

АЛЕКСЕЙ ДОВГУН

ЧЕЛОВЕК НА ФОТОГРАФИИ С КУХНИ

Кухня.
Август 1998

ТЁМНЫЕ ИСТОРИИ №34

Алексей Довгун Человек на фотографии с кухни

<https://litres.ru/74606528>

SelfPub; 2026

Аннотация

Разбирая фотографии покойной матери, Марина замечает незнакомца, который присутствует на снимках, сделанных почти тридцать лет назад. Он стоит в дверях, отражается в стёклах и неизменно смотрит прямо на того, кто держит камеру.

Мать оставила странное предупреждение: «Если Марина спросит, скажи, что он был один раз».

Но мужчина появлялся снова и снова. А те, кто замечает его на фотографиях, начинают вспоминать события, которых никогда не было. Чем больше Марина пытается узнать правду, тем отчётливее понимает: незнакомец не просто попадает в кадр. Он приближается.

Мистический хоррор о семейной тайне, стёртых воспоминаниях и человеке, которого нельзя замечать.

Содержание

Рассказ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Алексей Довгун

Человек на фотографии с кухни

Рассказ

Впервые Марина заметила его в воскресенье, когда разбирала старые фотографии матери.

Снимки лежали в коробке из-под чешских конфет: выпускной, поездка на море, чужие свадьбы, дача с яблонями, которую продали ещё в девяностых. Марина перебирала их на кухонном столе, раскладывая по годам. За окном моросил дождь, в духовке остывал пирог, а из комнаты доносился голос телевизионного ведущего.

На одной фотографии мать стояла у плиты в своей старой квартире. Ей было лет сорок. На ней был зелёный халат с поясом, волосы заколоты крабиком, на запястье виднелся след от ожога. На плите кипел чайник. На подоконнике стояли три горшка с геранью.

Марина помнила эту кухню. Помнила треснувшую плитку у раковины, клеёнку с подсолнухами, холодильник «Минск», который гудел даже ночью. Помнила, как мать запрещала ей сидеть на столешнице, как сама могла часами разговаривать

по телефону, прислонившись бедром к шкафчику.

Фотография была обычной. Слегка выцветшей, с белёсым пятном от вспышки в верхнем углу.

Марина уже положила её в стопку «оставить», когда заметила отражение в тёмном стекле духовки.

За матерью, в глубине кухни, стоял мужчина.

Он находился возле двери в коридор. Видна была половина лица, плечо и рука, лежавшая на косяке. На нём была светлая рубашка с закатанными рукавами. Волосы короткие, тёмные. Лицо казалось знакомым, но Марина не могла понять, откуда.

Она поднесла снимок к лампе.

Мужчина не смотрел на мать. Он смотрел прямо на того, кто фотографировал.

Марина перевернула фотографию. На обороте рукой матери было написано: «Кухня. Август 1998».

Никаких имён.

Она достала телефон и сфотографировала снимок, увеличила изображение. Мужчина стал отчётливее, но от этого не стал понятнее. Ему могло быть сорок или пятьдесят. На левой щеке тянулась тонкая светлая полоска — шрам или блик. В выражении лица не было ничего особенного. Скорее, терпеливое ожидание человека, который давно стоит на ногах и не хочет мешать разговору.

Марина посмотрела на мать на фотографии. Та улыбалась кому-то за кадром. Не фотографу — кому-то рядом с ним,

чуть левее объектива.

Может, мужчина был родственником. Или соседом. В девяностые к матери постоянно кто-то заходил: коллеги, приятельницы, мастера из ЖЭКа, люди, которым она помогала с документами. Марина тогда училась в школе и не запомнила взрослых.

Она написала в семейный чат сестре:

Ты знаешь, кто этот мужчина? Снимок с маминой кухни, 1998 год.

Ответ пришёл через минуту.

Какой мужчина?

Марина отправила увеличенный фрагмент.

Сестра позвонила сама.

— Это что, кто-то в дверях?

— Похоже.

— Не помню. Может, дядя Володя?

— У дяди Володи усы были.

— Ну мало ли. А чего ты вдруг?

— Разбираю фотографии. Ты помнишь, кто тогда к нам ходил?

— Марин, мне было двенадцать. Я помню, что у нас вечно кто-то сидел на кухне. Спроси у мамы.

— Спросить не получится.

После короткой паузы сестра сказала:

— Я знаю.

Мать умерла четыре месяца назад. Последние два года она

почти не выходила из квартиры, а в последние недели уже не могла разговаривать по телефону. Марина приехала к ней слишком поздно — не из другого города, не из другой страны, всего лишь с другого конца Москвы, — но теперь постоянно ловила себя на том, что оправдывается именно расстоянием.

— Посмотри, может, на других снимках он есть, — сказала сестра. — И не выдумывай себе ничего. Там отражение, может, или кто-то случайно попал.

Марина согласилась и закончила разговор.

Она вернулась к коробке. До вечера нашла ещё три фотографии той же кухни: мать режет торт, мать накрывает на стол, мать стоит у открытого окна с чашкой в руке. Все снимки были сделаны в 1998 году, судя по надписям. И на всех, в глубине комнаты, присутствовал мужчина.

На фотографии с тортом он виднелся в дверном проёме. На снимке у окна — сидел за столом, но был обрезан по плечи. На третьей фотографии его отражение проступало в стекле буфета.

Он ни разу не смотрел на мать.

На всех снимках он смотрел на фотографа.

Марина собрала фотографии в одну стопку и долго сидела, положив ладони на стол.

Потом встала, прошла в комнату и открыла шкаф, где хранились документы матери. Среди старых паспортов, квитанций и инструкций к бытовой технике нашла тонкую папку

с надписью «1998». В ней лежали справки, копии договоров, несколько писем и вырезка из районной газеты. Ничего, что могло бы объяснить появление незнакомца.

В самом низу папки лежал конверт без марки. Внутри была ещё одна фотография.

Та же кухня. Тот же зелёный халат. Мать стояла у холодильника и держала в руках связку ключей. Снимок был сделан со стороны коридора, поэтому в кадр попали стол, окно и часть плиты.

Мужчина стоял прямо за спиной матери.

Теперь его лицо было видно целиком.

Марина почувствовала, как сжались пальцы. Не потому, что узнала его. Наоборот: он был ей совершенно незнаком, но на снимке имелся ещё один человек, который не должен был там находиться.

В отражении окна стояла маленькая девочка.

Марина.

Ей было лет девять. Она узнала себя по короткой стрижке и футболке с красным воздушным шаром. Она стояла у стола, повернув голову к мужчине. Лицо у неё было напряжённое, губы приоткрыты. В одной руке она сжимала ложку.

Марина не помнила этой фотографии. Не помнила, чтобы кто-то снимал её на кухне в тот день. И главное — не помнила мужчину.

На обороте снимка не было даты.

Только одно предложение, написанное материнским по-

черком:

«Если Марина спросит, скажи, что он был один раз».

Марина перечитала фразу. Перевернула снимок. Снова посмотрела на мужчину.

Ей стало трудно дышать, и она открыла окно. С улицы пахло мокрым асфальтом и выхлопными газами. Во дворе кто-то ругался из-за парковки, на верхнем этаже плакал ребёнок. Обычный вечер жил за стеклом, и от этого происходящее казалось ещё более нелепым.

Она набрала сестру.

— Ты помнишь, чтобы мама когда-нибудь говорила о мужчине, который приходил к нам в девяносто восьмом?

— Каком мужчине?

— На фотографиях. Я нашла ещё одну. Там я тоже есть.

— Ты же сказала, что это мужчина в дверях.

— Он на всех снимках. И на одном стоит прямо за мамой.

Сестра молчала несколько секунд.

— Марин, ты уверена, что это не монтаж? Может, фотографии из разных мест?

— Я держу их в руках.

— Отнеси специалисту. Или хотя бы посмотри негативы, если они сохранились.

— У нас есть негативы?

— Понятия не имею. Мама всё хранила.

Марина хотела спросить ещё что-то, но сестра вдруг сказала:

— Ты не помнишь, что случилось в том году?

— Что именно?

— Ты же тогда несколько месяцев жила у бабушки. После маминой больницы.

— Я жила у бабушки летом. Это не несколько месяцев.

— Нет, Марин. Я помню, что тебя не было почти до Нового года.

— Мне было девять. Я бы помнила.

— Ты потом долго не разговаривала про тот период. Мама сказала, что ты болела. Я не знаю. Я была маленькая.

Марина посмотрела на фотографию с девочкой в отражении окна.

— Что за больница?

— Не знаю. Спроси у тёти Нины. Она тогда с мамой во-
зи-лась.

Тётя Нина была маминой двоюродной сестрой. Она жила в Туле, работала бухгалтером на заводе и редко приезжала в Москву. Марина нашла её номер в записной книжке матери и позвонила.

Тётя Нина ответила не сразу. На фоне звучал телевизор, потом хлопнула дверь, и шум стал тише.

— Маринка? Что-то случилось?

— Я разбираю мамины фотографии. Нашла снимки с кухни, 1998 год. Там незнакомый мужчина. Ты не помнишь, кто к нам тогда приходил?

На другом конце стало тихо.

— Какой мужчина?

— Тёмные волосы, светлая рубашка. Лет сорок-пятьдесят. Он на нескольких фотографиях.

— Где ты их нашла?

— В коробке. И ещё одну — в папке с документами. Мама написала на обороте, чтобы мне сказали, что он был один раз.

Тётя Нина шумно выдохнула.

— Ты не должна была это находить.

— Что?

— Марина, послушай. Я не знаю, что там на снимках. Я их не видела. Но если это тот человек, то ты должна оставить всё как есть.

— Ты его знаешь?

— Я его видела.

— Кто он?

— Не по телефону.

— Нина, не надо вот этого. Просто скажи, кто он.

— Я не знаю, кто он. В этом и дело.

Марина услышала, как тётя передвигает что-то по столу. Потом та заговорила тише:

— Твоя мать просила меня никогда с тобой об этом не говорить. Я обещала. Но, видимо, обещания уже не имеют смысла.

— Что случилось в девяносто восьмом?

— Ты заболела. Это правда. Но ты не была у бабушки. Ты

была дома. Мама не хотела, чтобы ты оставалась одна, и я приезжала помогать.

— Я помню, что жила у бабушки.

— Вот именно.

— Ты хочешь сказать, что я неправильно помню своё детство?

— Я хочу сказать, что в какой-то момент ты перестала помнить несколько месяцев. Врач сказал, что такое бывает после сильного стресса. Мать решила, что лучше не пытаться ничего возвращать.

Марина присела на край стула.

— Какого стресса?

— В квартире появился человек. Твоя мать утверждала, что он приходил по вечерам. Ты говорила, что он живёт на кухне. Что он сидит за столом, когда все спят. Что он ждёт, пока ты согласишься на него.

— Я его видела?

— Ты говорила, что да.

— А ты?

— Я тоже.

Марина стиснула телефон.

— И кто это был?

— Я не знаю. Мать думала, что это кто-то из соседей. Потом думала, что ты выдумываешь. Потом мы стали находить следы. Чашка на столе, мокрые отпечатки на линолеуме, открытая форточка. Обычные вещи. Всё можно было объяс-

нить. Кроме одного.

— Чего?

Тётя Нина не ответила сразу.

— Он появлялся на фотографиях, — сказала она наконец.

— Даже когда в квартире никого не было.

Марина закрыла глаза.

— Что вы сделали?

— Перестали фотографировать. Потом мать убрала все снимки, на которых он был. Я думала, она их выбросила. Наверное, не смогла.

— А потом?

— Потом однажды он исчез.

— Сам?

— Мы не знаем. Ты проснулась утром и сказала, что он ушёл. Мать спросила, куда. Ты сказала: «Туда, где его снимали». После этого ты больше не говорила о нём. Через неделю тебя отвезли к бабушке. Или мать сказала, что отвезла. Я не помню, как именно она объяснила это другим.

Марина смотрела на фотографию. Мужчина стоял за матерью, не касаясь её, но расстояние между ними было таким маленьким, что казалось, будто он наклонился к её уху.

— Почему мама написала, что он был один раз?

— Потому что она надеялась, что ты согласишься. Что это не повторится.

— Что не повторится?

— Он возвращается, когда его замечают.

Марина хотела рассмеяться. Слова звучали как суеверие, рассказанное ребёнку, чтобы тот не ходил в тёмную комнату. Но тётя Нина не смеялась. И Марина вдруг поняла, что всё это время та не пыталась напугать её. Она пыталась не произносить что-то вслух.

— Нина, я вижу его на снимках, — сказала Марина. — Я уже заметила.

— Тогда не смотри больше.

— Что это значит?

— Убери фотографии. Не увеличивай их. Не делай новых снимков. И не пытайся вспомнить.

— Ты сама сказала, что он возвращается, когда его замечают. Я уже заметила. Что теперь?

— Я не знаю.

— Ты видела его после девяносто восьмого?

Тётя Нина молчала так долго, что Марина решила, будто связь оборвалась.

— Один раз, — сказала она наконец. — В две тысячи одиннадцатом. На снимке у твоей матери в коридоре. Я приехала к ней на день рождения, и мы фотографировались у зеркала. На фотографии он стоял за мной.

— Ты сохранила её?

— Нет. Я порвала снимок и выбросила. Мать сказала, что правильно сделала.

— А потом ты его видела?

— Нет.

— Ты уверена?

— Марина, я не знаю, что значит «уверена» в этой истории. Я просто больше не смотрю старые фотографии.

Разговор закончился не прощанием, а щелчком. Тётя Нина сбросила вызов.

Марина осталась на кухне одна. Она разложила снимки веером и попыталась рассмотреть их без увеличения, как советовала тётя. Мужчина был замечен сразу, если знать, куда смотреть. Его присутствие переставало быть случайным. На каждом кадре он выбирал место, откуда мог наблюдать за фотографом.

В дверях. За спиной матери. В отражении буфета. У окна.

Он не приближался к объективу. Не пытался попасть в центр кадра. Он просто оказывался там, где его можно было не заметить с первого взгляда.

Марина собрала снимки в конверт и убрала в шкаф. Затем достала из ящика старый ноутбук, подключила внешний диск и открыла папку с фотографиями матери. После похорон она отсканировала часть альбомов, чтобы отправить копии родственникам. Кухонные снимки она не помнила, но среди файлов могли оказаться другие кадры.

Папка называлась «Мамино». Внутри было больше тысячи изображений, отсканированных в разное время. Марина открыла поиск по дате и выставила диапазон с июня по октябрь 1998 года.

Нашлось двадцать семь файлов.

Она просматривала их по одному. На первых снимках была дача. Потом семейный пикник, школьная линейка, мать на фоне новогодней ёлки. В июле — несколько кадров из квартиры. На одном мать сидела за кухонным столом, держа в руках газету. На другом Марина стояла рядом с холодильником. На третьем в кадр попала только пустая кухня.

Мужчины не было.

Марина почти успокоилась. Возможно, тётя Нина перепутала годы. Возможно, на бумажных фотографиях были отражения, двойная экспозиция, дефекты плёнки. Возможно, мать записала странную фразу после очередного семейного конфликта, а всё остальное со временем обросло легендой.

Она открыла следующий файл.

Это была фотография комнаты, сделанная с порога. Мать стояла у окна и держала в руках штору. На кровати лежал раскрытый чемодан. Марина сидела на полу рядом с ним, спиной к камере, и складывала одежду.

В углу, возле шкафа, стоял мужчина.

Марина не стала увеличивать снимок. Она и так видела его лицо. Светлая рубашка, короткие тёмные волосы, тонкий шрам на левой щеке.

Но в этот раз он не смотрел на фотографа.

Он смотрел на девочку на полу.

Марина закрыла файл. Отодвинулась от ноутбука и встала, задев коленом стол. На полу звякнула ложка, упавшая с края тарелки. Она подняла её и долго держала в руке, не по-

нимая, зачем.

Потом снова села.

В свойствах файла стояла дата сканирования, а не дата съёмки. Бумажная фотография могла быть сделана в любой год. Мать могла собирать чемодан для поездки к бабушке. Марина могла забыть. Мужчина мог быть родственником, случайно попавшим в кадр.

Она повторила эти объяснения про себя, но каждое звучало всё слабее.

Внизу списка лежал файл с названием «кухня_последняя». Марина не помнила, чтобы давала ему такое имя. Возможно, программа автоматически сохранила название из старой папки. Она открыла изображение.

На фотографии кухня была пустой. Стол накрыт клеёнкой с подсолнухами. На плите стояла кастрюля. На подоконнике — три горшка с геранью. В углу виднелась часть холодильника. Снимок был сделан с того места, где обычно стоял человек, фотографировавший мать.

Внизу изображения проступала белая полоска, словно край бумаги попал под сканер.

Марина хотела закрыть файл, но заметила, что в тёмном стекле духовки отражается не кухня.

Там был коридор.

И мужчина стоял в нём, повернувшись к объективу.

На этот раз он был ближе.

Марина увеличила изображение, сама не понимая зачем.

Мужчина выглядел старше, чем на предыдущих снимках. Волосы у висков поседели. Шрам на щеке стал заметнее. На рубашке не хватало одной пуговицы.

Он смотрел прямо на неё.

Не на фотографа. Не на того, кто стоял в кухне в момент съёмки. На неё — через экран ноутбука, через двадцать восемь лет, через плёнку, бумагу и сканер.

Марина отпрянула так резко, что стул упал.

В комнате что-то скрипнуло. Она обернулась. Никого. Открытая дверь в коридор, прихожая, вешалка, обувная тумба. Входная дверь заперта на два оборота. Всё на месте.

Она подняла стул, закрыла ноутбук и вытащила из розетки зарядное устройство. Потом убрала компьютер в шкаф и заперла дверцу на ключ. Снимки лежали в конверте, который она спрятала в другой комнате.

Ночь она провела на диване, не включая телевизор. Несколько раз просыпалась от звука, похожего на тихое постукивание ложкой о край чашки. Каждый раз прислушивалась, пока не убеждалась, что звук исчез.

Утром всё выглядело глупо. Марина сварила кофе, приняла душ, ответила на рабочие письма. В девять позвонила сестра и спросила, как дела.

— Нормально, — сказала Марина.

— Ты вчера так странно говорила.

— Я просто устала.

— Нашла что-нибудь?

Марина посмотрела на закрытый шкаф.

— Нет. Обычные фотографии.

Сестра помолчала.

— Ты точно в порядке?

— Да.

— Тогда приезжай в субботу. Разберём оставшиеся вещи вместе.

Марина согласилась.

После разговора она открыла шкаф и достала конверт. Хотела отнести его к мусорному контейнеру и выбросить, но остановилась у двери. Тётя Нина сказала, что снимки нельзя рассматривать. Не сказала, что их нельзя уничтожить.

Марина вернулась к столу, положила конверт перед собой и вытащила фотографии.

На первом снимке мужчина стоял в дверях. На втором сидел за столом. На третьем отражался в буфете. На четвёртом находился за спиной матери. Она быстро переложила снимки лицом вниз, стараясь не смотреть на изображения.

Потом достала последнюю фотографию — ту, где на обороте было написано: «Если Марина спросит, скажи, что он был один раз».

Марина перевернула её.

На снимке она стояла возле стола с ложкой в руке. Мужчина находился за матерью. Его лицо было направлено в камеру. Девочка смотрела на него с выражением, которого Марина не могла вспомнить у себя в детстве: не страх, не удив-

ление, а узнавание.

Как будто он сказал ей что-то, что она давно ждала услышать.

Марина положила фотографию на стол и достала телефон. Открыла камеру, навела её на снимок и сделала цифровую копию, чтобы показать сестре. В тот же момент на экране появилось уведомление: «Объект распознан».

Она не помнила, чтобы на телефоне была включена такая функция. Нажала на уведомление.

Открылось окно с предложением добавить человека в альбом распознавания лиц.

Под фотографией мужчины стояло имя:

Алексей Савельев.

Марина никогда не слышала этого имени.

Она закрыла окно и попыталась найти его в контактах. Пусто. В поиске телефона — тоже ничего. Потом открыла приложение, которое распознавало лица на старых снимках. Оно должно было группировать изображения одного и того же человека, но, видимо, использовало базу фотографий из облака.

Марина нажала на имя.

Приложение показало ещё одну фотографию.

На ней мужчина сидел на кухне за столом. Перед ним стояла чашка, рядом лежала ложка. Он был один. На заднем плане виднелась та же клеёнка с подсолнухами, те же горшки на подоконнике. Дата снимка — 18 августа 1998 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.